

Владимир Кигель

Еврейская мама

Олег вернулся из Одессы. Домой. В Лос-Анджелес. Где жил уже 26, нет, 27 лет.

Привез каким-то незнакомым людям письмо, которое его попросили передать родственники. Как будто почта не работает, или им марку жалко купить, что ли? Ладно, не убудет. Нашел этот дом, в извечном Вест-Голливуде, на Мартеле, где селятся все «русские». Вошел в квартиру и обалдел: как будто время замерло здесь... Он помнил эти квартиры!

Кожаный, настоящий кожаный диван с валиками. На полу – поверх «карпета» – ковровая дорожка. Круглый полированный стол, покрытый белой вышитой скатертью. «Горка» – самая настоящая «горка» – с фарфоровым петухом внутри застекленной витринки. И выстроенные там же рядами хрустальные фужеры розового цвета. Да. Еще граненая бутылка, отделанная снаружи позолоченным чем-то.

А на стене, над диваном, ковер. Видимо, узбекский. И явно с вывезенными клопами.

Его усадили пить чай. Как ни отнекивался, как ни ссылался на нехватку времени: «Ой, я вас прошу, чашечку чая с айвовым вареньем, такого не нигде не купите, я сама варила». Слегка подкрашенная желтым водичка – чай, в чашке из сервиза для гостей и засахарившееся, видно, давно открытое, но вкусное айвовое варенье.

– Вы здесь давно живете? – приступила к расспросам хозяйка. – И что, хорошо устроились? Я извиняюсь, вы женаты? И что жена?

И вздохнула...

У них, у Блюменталей, несчастье – их сын...

Э нет, так не пойдет.

Пусть сами рассказывают.

Сара Блюменталь, 78 лет. Крепкая, полная, с крашенной в какой-то дикий зеленоватый цвет седьмой. При ходьбе переваливается, как «качка», с ноги на ногу. Носит платье с коротким рукавом. Ситцевое, темного цвета. Поверх – вязаная кофточка. Розовая. А на ногах – кроссовки на шерстяной носок. Только в них Сара чувствует себя человеком.

– Я должна с вами поделиться. Чтоб люди знали. Золотко мое, Сенечка. Мы себе во всем отказывали, чтоб все было как у людей. Чтоб ему светило! Заканчивал школу – мы ему репетиторов наняли: по математике – 10 рублей в час, по русскому – 8, по английскому – 12. И что же? Он таки поступил. Поехал в Киев и поступил. Ман таирс... Он был такой худенький. Глазки горят, личико бледненькое. Красавчик! Это я вам говорю.

Был такой конкурс, такой конкурс. 120 человек на место! А евреев – так вообще не брали. Вы же знаете – Киев! Но мы нашли одного человека. Он помог, к Сенечке не придирались. Как мы радовались, какой мы имели нахэс! Нам все звонили. Родственники, двоюродная сестра мужа, даже эта хулиганка Фимина жена: ну что Сенечка? Аф зе юр оф зей. Сенечка поступил, вот вам.

Абрам, муж. Хочет что-то сказать, машет рукой...

– А-а...

Абрам чуть моложе Сары, на год или полтора. Сара явно в доме глава. Что она скажет – так и будет. Абрам, тихий худощавый покладистый еврей с добрым лицом, лысиной и диабетом: весь набор, как положено. Он был торговым работником в Балте, маленьком селе-местечке под Одессой, обеспечивал семью. Стаж работы – 55 лет, и все в одном и том же магазине «Лоскут»... Ему даже готовились дать медаль «За трудовую доблесть». А в райсобесе поговаривали о надбавке к пенсии...

Вообще, такая семья, как Блюментали, – исчезающая редкость. Настоящие «местечковые» евреи, еще и разговаривающие на смеси русского с идишем! В Красную книгу таких!

Так на тебе, ради Сенечки, сорокалетнего балбеса, который, как выяснилось, все не мог жениться и сидел у мамы с папой на плечах, решено было уехать в Америку. В смысле, так Сара решила. Каково Абраму было оставить магазин, каких мук это стои-

ло, знал только его извечный друг Федя... Простой такой русский мужчина. Но очень приличные люди, очень.

Сара:

– Что ты рукой машешь, я тебе помашу. Так вот. Мы ему сняли комнату у женщины. Хорошая женщина, чистенькая. Пожилая. Недалеко от института. Не жить же ребенку в этом бедламе, в общежитии! А она ему готовила еще. Представляете, я нашла такую мицию: и квартира, и готовка – за 50 рублей в месяц. А? И она еще стирала, да. Все как у людей...

Абрам:

– И скажи еще о Левике...

Сара, гневно сверкнув глазами:

– У меня что, склероз? Я как раз собиралась сказать о Левике.

Так ты меня перебил.

Абрам, покивав головой:

– А-а...

Сара:

– Левик, это мой племянник, работал там (!) на кафедре. Большой человек! На кафедре! Это он нас познакомил с тем человеком, вы меня понимаете? Да. Так он работал там на кафедре. Какая-то там кафедра, я не знаю. Но его все ж знали. И он помогал Сенечке – что вы хотите, они ж почти троюродные братики. У ребенка были какие-то цурес с одной преподавательницей. Так Левик помог. Я не знаю. Как. Что. Данкен Гот, все обошлось. И так, мало-помалу, по воле, Сенечка закончил институт. Не с красным дипломом, не страшно. Ой, я вас прошу, кому нужен этот красный диплом? Выкинутые деньги! Ну, и по распределению его должны были послать – я знаю, куда? В такую даль, в такую даль – в Сибирь! Чтоб я отпустила ребенка в Сибирь? Через мой труп. Я им так и сказала: через мой труп! Чтоб молодой человек, с дипломом, поехал туда и замерз? Вы что, ненормальные? Мишигине? Так вы своих детей туда шлите. Не хотите, а Сенечку моего хотите?

Я им такое устроила, такое устроила – все, гиниг, уже никто никуда не едет. Вышел какой-то пуриц и говорит: «Успокойтесь, мамаша, успокойтесь. Мы ему дадим открепление». О! Я что, не понимаю? Приличный человек, мы ему потом сделали хороший подарок. Через Левика человека, ну, вы меня понимаете...

Абрам:

– Сарочка, момалэ, налей товарищу еще чаю...

Олег попытался отказаться. Куда там! Сара завладела им, как бульдог, чьи челюсти сомкнулись на штанине несчастного пацана, пытавшегося нарвать черешню на чужой даче.

– Ой, я вам бутербродик сделаю, с такой колбаской, с такой колбаской!

Через минуту он вяло жевал бутерброд с невкусной колбасой, положенной на хлеб с маслом.

– Ви сами отец, да? У вас мальчик или девочка? – продолжала Сара.

– Мальчик.

– О! С девочками проще. А мальчик – это такая сложная натура. Как Сенечка... Вы понимаете, почему я спрашиваю?

– Не очень, – признался он.

Она огляделась по сторонам. Посмотрела на Абрама. Тот обреченно вздохнул. Сара наклонилась ко мне и почти шепотом произнесла:

– Не надо было сюда приезжать.

Олегу это надоело.

– Ну, ладно, спасибо, я пошел, – начал было отодвигать он стул.

– Он – гей.

– Что? – не понял Олег.

– Наш Сенечка, – Сара шмыгнула носом. – Как вы здесь говорите – «гей», он любит мальчиков. Такое несчастье. Боже, какое горе... Что, я заслужила? Вей из мир...

И она зарыдала.

Он не знал, куда себя девать. Абрам делал какие-то движения руками рядом с мощными плечами Сары, видимо, успокаивал.

– Ай да Сенечка, ай да йолд! Гомик!

Сквозь слезы Сара продолжала рассказывать, как по приезде в Америку, где они пытались найти ему наконец невесту, он забился в свою комнату и никуда не выходил. До одного прекрасного дня, пока не вышел, прошелся по Санта-Монике и остановился у бара «Rage». «Реж», – как сказала Сара.

С тех пор Сенечка стал выходить по вечерам. А затем к ним в дом стали заходить какие-то мужчины, «настоящие американ-

цы», что очень импонировало Саре. Она пыталась с ними общаться, используя запас слов в пять. Ее всегда хлопали по плечу, смеялись.

Наконец-то, наконец ее Сенечку оценили по достоинству. Вот у него появились новые друзья, скоро они найдут ему работу, а там глядишь – и приличную еврейскую девушку из богатой американской семьи.

– И я, старая дура, кормила их, за стол сажала, варила им борщ – Абрам, скажи какой я борщ варю!

– Во! – показал Абрам.

– Чтоб им поперек стало! – вскричала Сара. – Я старалась не мешать, пока они у Сенечки в комнате запирались. Я думала, они английский учат!

– Сара, это Америка. Ничего страшного. Разные бывают, гм... сексуальные ориентации, – бормотал Олег.

Чуть даже не сказал «это пройдет», но вовремя спохватился. Вообще, какого черта: ему было очень неловко оказываться в ситуации, когда на него вываливали кучу чужого грязного белья.

– Ну, мне пора, – направился он быстренько к двери.

– Подождите! – вскричала Сара. – Мне нужна ваша помощь!

Ну, все. Приехал. Что сейчас произойдет?

– Я же ж по-английски не говорю, Абраша тоже... Мы тут зашли в один магазин...

Абраша закивал головой.

– Понимаете, у Сенечкиного, ну этого, – она мялась, пытаясь найти нужное слово, – ну, с которым, – тут она громко всхлипнула, умоляющего глядя на Олега...

– «Бойфренд», здесь говорят «бойфренд»...

– О! Так у него завтра день рождения, Сенечка переживает, такая нервная душа, я же вижу. И мы хотим ему что-нибудь подарить. Вы не подскажите, что? Что-нибудь, чтоб недорого, но чтоб было видно, что от семьи... Долларов сорок – это нормально?

Абрам расстроганно всхлипнул за компанию. Подошел к Саре, обнял за плечико.

– Сорок – это в самый раз, очень даже нормально, – сказал Олег, уже выходя.

Оглянулся.

Так они и стояли. Абрам и Сара.

Еврейская пара.